

Н. А. Добролюбов

Внутреннее обозрение

Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений в трех томах
М., "Художественная литература", 1987
Том третий. Статьи и рецензии 1860-1861. Из "Свистка". Из лирики
Примечания *Е. Буртиной*
[OCR Бычков М. Н.](#)

<I>

Исполняя наше прошлогоднее обещание, мы открываем с этой книжки нашего журнала постоянную хронику внутренней жизни нашего отечества¹. Считаю нелишним сказать в самом начале несколько слов о том, как мы понимаем это дело.

Нам придется сообщать во внутреннем обозрении известия самые разнообразные и нередко даже противоположные друг другу по своему характеру. Сведения об отрадных начинаниях и печальных явлениях быта, светлых надеждах и горьких разочарованиях, высоких стремлениях и низких поступках -- все это, без сомнения, будет пестрить нашу хронику и отчасти видоизменять ее характер. Подобная пестрота неизбежна по условиям самой жизни нашей, складывающейся так неровно и так еще плохо установившейся. Но при некотором внимании читатель найдет общую нить, связывающую различные факты общественной жизни гораздо легче, нежели кажется на первый взгляд. Для этого нужно только приучить себя к строгому различению *дел* от *слов*, *фактов* от *предположений*, *живых явлений быта* от мертвых, не перешедших еще в жизнь *законоположений*. Рассматривая однородные факты жизни, мы не найдем в них действительного противоречия, потому что все они развиваются один из другого по известным законам и в известном направлении. Но огромные противоречия встретим мы на каждом шагу, если вздумаем причислять к действительным фактам народной жизни и все те предположения и планы, которые вырабатываются в головах нескольких лиц и потом являются на бумаге. Эти бумажные, *литературные* факты постоянно представляют нам картину, далекую от действительной жизни, и в них-то, или, лучше сказать,-- в излишнем доверии к ним заключается главная причина той запутанности, которую находим мы в большей части взглядов на современные события. Все ожило, проснулось, все идет вперед, и в то же время все спит, молчит, остается в неподвижной апатии; все зреет, зреет не по дням, а по часам, зреет уже несколько лет, и вдруг слышится торжественный голос, что все не созрело², и сотни взрослых людей безмолвно и кротко выслушивают этот голос и через несколько дней бегут поучаться и дозревать на лекции строгого ученого, столь бесцеремонно аттестовавшего их³. Все освещено, настал полный рассвет в нашей общественной жизни, во все уголки свет пробрался, вот уже года три тому назад, по газетным сведениям; и между тем что год, то больше открывается темных уголков, в которых делаются вещи неслыханные и невообразимые, и бывалые люди говорят, что таких уголков и теперь осталось еще много, так много, что если открытые углы "стократ умножить миллионом" и дерзнуть сравнить с неоткрытыми, так и то --

Лишь будет точкою одною...⁴

Все это чрезвычайно запутывает суждения о современном положении русского общества. Мы видим, что все движется, строится, ломается, опять строится, украшается, переделывается, и остаемся нередко в полном недоумении относительно смысла всех этих построек. На наших глазах одна стена дома сламывается, другая штукатуруется, на третьей прибито объявление, что "сей дом продается", а внутри разводится оранжерея. Подходя то с одной, то с другой стороны, мы строим различные предположения и стараемся вывести что-нибудь из переделок, совершающихся перед нами. Само собою разумеется, что нам редко удастся сделать правильный и умный вывод. Дело в том, что переделки в доме свидетельствуют о вкусе и потребностях хозяина и жильцов, но не показывают степени прочности, удобства и ценности самого дома. Так точно и в наблюдениях над русской жизнью -- изменения и